

Я уволила гардеробщицу за то, что она не улыбалась детям

Кульбура. - 2003. - 2-8 окт. - с. 11

Сегодня мало кто помнит, что впервые кукольный Театр детской книги появился в Москве еще в 30-е годы прошлого столетия. Он был создан по инициативе М.Горького при издательстве ОГИЗ в целях ликвидации неграмотности среди детей и их родителей. Причем был совершенно бесплатным. К несчастью, во время Великой Отечественной войны почти все артисты погибли, и театр прекратил свое существование. В 1988 году Владимир Штейн и Марина Грибанова решили вернуть Театр детской книги в столичный культурный контекст. Новый театр, получивший название "Волшебная лампа", создавался практически с нуля в помещении на Сретенском бульваре, предоставленном Госкомиздатом СССР, и поначалу был частным предприятием. Потом обрел государственную поддержку. Марина Грибанова считает, что это какое-то магическое место, потому что и тот, первый Театр детской книги помещался в районе Сретенки, и они со Штейном родились и жили здесь же. Сегодня театров кукол в Москве немало, но "Волшебной лампе" удалось найти свою нишу и обрести постоянных зрителей, малышей и их родителей. Кроме того, Марина Борисовна, сменившая на посту художественного руководителя театра своего мужа Владимира Штейна, несколько лет назад ушедшего из жизни, прекрасно осведомлена обо всех проблемах театра для детей.

— Марина Борисовна, когда малыша стоит впервые вести в театр?

— Сергей Образцов считал, что ребенку до четырех лет в театре кукол делать нечего.

— Вы с ним согласны?

— С ним не согласны родители. К нам они начинают приводить детей где-то с двух с половиной лет. И вообще, у меня сложилось впечатление, что наш театр очень хорош именно для малышей. После спектаклей "Волшебной лампы" они готовы смотреть и более "взрослые" вещи. Кстати, бывают случаи, когда приходят с грудными. Среди современных мам бытует мнение, что в первый раз ребенка надо "приносить" на спектакль еще до рождения.

— Дошкольники способны стать хорошими зрителями?

— Во всяком случае, очень редко бывает, чтобы дети не выдерживали

спектакль. У нас есть постановка "Свет мой, зеркальце, скажи...", которую мы делали для пятиклассников. Но они почему-то не приходят. Наверное, их больше интересует дискотека. А вот дошколята очень хорошо смотрят, хотя мы в этот спектакль включили переписку Пушкина с Натали Гончаровой. Вроде бы это не для малышей. Но, вероятно, они видят что-то свое, а взрослые — свое, как и во всех наших работах. Скажем, на спектакле "Винни Пух и все, все, все..." дети наблюдают за любимыми героями, а некоторые родители в конце просто плачут, потому что это спектакль об утраченном детстве.

— Вы адаптируете детскую литературу для восприятия малышей?

— Конечно, нет. Мы только делаем сценическую версию. Можем что-то добавить, как добавили переписку Пушкина в "Сказку о мертвой царевне". А в "Капитанской дочке" у нас звучат письма Екатерины Второй и Вольтера.

— Вы принципиально обращаетесь к детским книгам, а не к пьесам, написанным специально для театров кукол?

— Мы игнорируем оригинальные пьесы по той причине, что я уже давно не встречала хороших. Я знаю таких авторов, которые пишут по пять пьес в день, потом распечатывают их на папиросной бумаге и рассылают по почте во все театры нашей Родины. А если кто и поставит. И действительно, такие маленькие пьески на двух-трех артистов — настоящие находки для театров, которые вынуждены выпускать четыре-пять премьер в год. Но мы ставим один спектакль в сезон и считаем, что имеем право делать это с полным удовольствием.

— Помимо спектаклей, ведет ли ваш театр какую-либо педагогическую деятельность?

— Я бы ее назвала скорее просветительской. У нас перед каждым спектаклем проходит встреча с детским писателем. Бывают литературные праздники, например, Неделя детской книги. Есть очень интересная программа под названием "Пушкинский театральный урок". На спектакль "Свет мой, зеркальце, скажи..." мы приглашаем пушкинистов, которые детям и родителям рассказывают о поэте и его времени, приносят старинные рукописи, какие-то перчаточки, веера, бальные туфельки. Звучит музыка того времени. Проводится выставка пушкинских рисунков. Сейчас мы решили эту программу расши-

М.Грибанова

ривать. Будем проводить "Театральные уроки литературы", где к спектаклю приложится рассказ о писателе, произведении, жанре, в зависимости от возраста детей. Предназначена эта программа пока для детей-инвалидов. К сожалению, здоровых детей учителя не слишком любят водить в театр.

— Насколько сегодня оптимистично или пессимистично состояние российского театра кукол? В чем его главная проблема?

— Первое, что просится на язык: все бедно оттого, что денег мало. Но на самом деле это не так. Куклу можно сделать из чего угодно. Пройти мимо любой помощки и найти то, что тебе нужно. И я этим занималась много лет: искала материалы на помощке, у знакомых, у себя в мастерской — то, что оставалось от других спектаклей. Дело не в этом. Дело в том, что у нас сейчас нет хорошей школы театра кукол.

— У Образцова школа была?

— Я совершенно точно знаю: у Образцова школы не было. Тут и спорить

нечего. Один раз он руководил Высшими режиссерскими курсами при ГИТИСе, в течение двух лет. Но это было, скорее, курсы повышения квалификации для актеров, которым пришлось заниматься режиссурой. В итоге ему удалось обучить 13 — 14 человек, из которых далеко не все задержались в этой профессии. И один совместный выпуск режиссеров и художников театра кукол был у Образцова в ГИТИСе, максимум 20 человек. На этом все закончилось.

— Помимо Образцова, были другие учителя?

— В ЛИТМИКе пользовалась хорошей репутацией кафедра, которой руководил Михаил Королев. Он умер, кафедра осталась, но что будет дальше, я себе плохо представляю. В Москву приезжали студенты с этой кафедры. Хорошие ребята, но я поняла: они считают, что до них было ничего. То есть, попросту говоря, они избобреют велосипед.

Мы в Москве страдаем оттого, что нет актерской школы. Ни один из теа-

тральных вузов столицы не готовит артистов-кукольников. Поэтому постоянно приглашаются выпускники из других городов. Но эти молодые ребята приезжают, чтобы завоевать столицу. И практически все они считают, что театр кукол — это стартовая площадка, а дальше надо либо поехать в какую-нибудь антрепризу, либо работать в ресторанах или богатых клубах, пойти на телевидение, где хорошо платят, или сниматься в кино.

— Профессия актера-кукольника становится непристойной?

— К сожалению, да. Хотя я считаю, что артисту она дает совершенно немислимые возможности.

— Артисту этого театрального жанра тоже можно посочувствовать: герой — не он, а кукла, его же никто не видит, да и вниманием критики театры кукол не избалованы.

— Театр кукол — это такой же театр, как и любой другой. Только лучше и интереснее, потому что это театр парадокса. Здесь не выскочишь на красивых глазах и хорошей фигурке. Если артист хорошо работает, его действительно не замечает публика. А иногда он начинает такое вытворять со своим лицом, что просто "забивает" куклу начисто. Наталья Смирнова, лучший, на мой взгляд, критик нашего жанра, называла актерский принцип "системой моновидения": мир, увиденный глазами героя спектакля. Это трудно. Но что же делать?

— "Волшебная лампа" — частый гость международных фестивалей. Чем, на ваш взгляд, отличается отечественный театр кукол от зарубежного?

— Совсем недавно мы побывали на фестивале в итальянском городе Перуджи. И я видела там несколько преимущественно итальянских спектаклей. Это либо назидание, либо чистое развлечение. Причем зритель там очень воспитанный и хорошо смотрит, например, спектакль о том, что надо мыть руки, иначе зловредные вирусы нападут на ребенка и он будет болеть. Мало того что весь этот ужас с танцующими вирусами показывается на сцене, так еще в финале артист выносит к детям какого-то главного вируса, который чихает, сморкается, ладошкой дотрагивается до ребят. Они, впрочем, радостно хохочут.

Некоторые спектакли решены в абстрактных формах. Например, экран, на котором сходятся и расходятся цветные круги и треугольники. Это длится два часа под специально написанную музыку. Все очень здорово

сделано, но на самом деле к театру кукол имеет небольшое отношение, потому что кукол как таковых нет.

Кстати, театр Восточной Европы куда интереснее, чем Западной. И это, между прочим, благодаря Образцову, который в свое время надавил на соцлагерь своим авторитетом: везде были выстроены театры, и финансирование существовало, и школы специальные появились.

— А что беспокоит европейских кукольников?

— В прошлом году в Венгрии был очень представительный фестиваль, на котором поднимались и теоретические проблемы. Причем основная проблема была не творческая. Там все творят, как могут. Неодобрение вызывала агрессия, которая порой исходила со сцены и могла пробудить в детях соответствующие реакции.

— Вы считаете, что российский театр кукол все-таки остается лучшим в мире?

— Видимо, так. В силу того, что он более осмысленный и изобретательный. Может быть, потому, что театру кукол позволялось больше, чем драме.

— К театру для детей многие взрослые творцы относятся с прохладцей. Вы же всю жизнь — всерьез. Почему?

— Я думаю, все у нас наладится, если найдется нужное количество сумасшедших, которые всерьез будут заниматься искусством для детей. Все-таки это отдельная сфера. Для взрослых театров детские спектакли — каторга, Божье наказание. Ну разве можно с таким настроением что-то делать для детей? Я однажды уволила гардеробщицу за то, что она не улыбалась детям. Она раздевала их с мрачным лицом. Конечно, это не служебное преступление, но я ее уволила. И пока не наша новая, полгода стояла в гардеробе сама и получала от этого огромное удовольствие. Знаете, дети приходят, как капустки. Начинаешь снимать комбинезончики, капюшончики, сапожки, а внутри оказывается маленькая леди — в роскошном платьице, в белых колготочках, в красивых туфельках, вся в каких-то заколочках, бантиках. Ну готовился же ребенок! И разве можно после этого обмануть его ожидания?

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ